

МАРИНА
БОЛДОВА

Читайте романы
Марины Болдовой в серии
«Остросюжетный семейный роман»

Любимые женщины клана Крестовских

Рубины для пяти сестер

Два сына одного отца

Клетка семейного очага

Трудные леди школы Бауман

Свои чужие люди

Тайна родной крови

МАРИНА
БОЛДОВА

Майна
родной
крови

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б79

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Оформление серии и иллюстрация на обложке
Алексея Дурасова

Редактор серии *Юлия Милоградова*

Болдова, Марина.

Б79 Тайна родной крови / Марина Болдова. —
Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Остроя-
жетный семейный роман).

ISBN 978-5-04-113527-0

Убийство Анки Хмелевской в польском Кракове и похищение Кати Шторм в России происходят практически одновременно. Что связывает этих двух молодых женщин? Почему так странно ведет себя похититель девушки, не предъявляя никаких требований ее родным? Если бы брат и сестра Кати не оказались на месте гибели Анки по чистой случайности, эти вопросы могли бы остаться без ответа. И никто бы не узнал, где находятся ценности, украденные полвека назад у московского коллекционера.

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Болдова М., 2020

© Оформление.

ISBN 978-5-04-113527-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Талантливому педагогу
и прекрасному человеку,
руководителю ансамбля «Классик-домра»
Ларисе Ивановне Демченко
посвящается.*

Грузовичок «Жук» веселого желтого цвета вывернул с улицы, примыкающей к площади Ратуши, и как-то воровато-неспешно двинулся к следующему перекрестку. Многочисленные прохожие, в основной своей массе туристы, с недоумением поглядывали на яркую машину — улица была с односторонним движением, грузовик же двигался в запрещенном знаком направлении. Кто-то достал мобильный телефон, чтобы сделать фото нарушителя, но машина неожиданно резво рванула вперед. Визг тормозов и отчаянный многоголосый вскрик слились в страшный аккорд свершившейся беды. Не останавливаясь, грузовик быстро проехал до перекрестка и свернул направо. На месте аварии вмиг образовалась толпа. Несколько человек снимали происходящее на камеру, но большинство, возбужденно переговариваясь, пытались через головы впереди стоящих рассмотреть лежащего на дороге человека.

Маленький мальчик, успев к пострадавшему быстрее прочих, в растерянности обернулся к спешившей за ним девушке.

— Сара, — произнес он по-русски. — Это же Катя, да? Ну, скажи, Катя?

— Сема, пойдем, — девушка бросила быстрый взгляд поверх его головы, решительно развернула мальчика и, держа за худенькие плечики, повела сквозь толпу прочь.

— Ты что?! Так и уйдешь?! А она пусть лежит?! — Тот с возмущением вырвался из ее рук и побежал напрямик к подъехавшему в этот момент к месту аварии полицейскому автомобилю.

— Пан полицейский, там Катя! Моя сестра! Ее сбила машина! Желтая! — затараторил он без остановки, указывая пальцем на толпу. Тот непонимающе посмотрел на девушку. Та вдруг сильно побледнела и стала оседать на асфальт.

— Ой, приступ начинается, — округлив глаза, тихо произнес мальчик и кинулся к ней. Польский полицейский, не поняв ни слова, но сориентировавшись в ситуации интуитивно, взял в руки рацию. Его напарник, отодвинув мальчика в сторону, склонился над девушкой.

Никто не заметил, как белоснежный «Форд», за несколько минут до происшествия медленно двигавшийся вдоль тротуара навстречу грузовику, вдруг резко прибавил скорость и на перекрестке свернул в переулок. За рулем была женщина. Проехав еще несколько кварталов, машина остановилась. Женщина сняла темные очки, посмотрела в зеркало заднего вида. «Хм, неожиданно! — произнесла она с легким смешком. — И как удачно! Одной проблемой меньше...»

Кровь человека — мостик между душой и телом. Душа в маленького, еще нерожденного, человека лишь в середине срока беременности вселяется,

тогда и кровь пульсировать начинает. И информация от матери к ребенку по крови передается: доброта, праведность поступков или преступность. Все, что накоплено ею и отцом за время их половой зрелости. Никто за тебя не решит: добро нести в мир или зло. И что ребенку своему передашь: любовь к миру или озлобленность.

Глава 1

Семка беспокойно ерзал на жестком стуле в холле полицейского участка. Он так и не смог объяснить, кто такая Катя. Его не понимали. Телефон мамы Веры не отвечал — оно и понятно, отключила на время экскурсии. Тогда он набрал номер переводчицы Элины, которая работала с их ансамблем с первого дня фестиваля. И успокоился, когда та ответила, что подъедет в участок через десять-пятнадцать минут. А сейчас вот мысли о Саре заставили его вновь тяжело вздохнуть. Как он объяснит маме Вере и остальным, почему у нее случился приступ? Ведь он, Семка, за Сару отвечает! И должен ее беречь. Потому что приступ — это страшно! Страшно, когда и так бледное ее лицо становится совсем белым. Когда она, глядя перед собой испуганно и умоляюще, ловит ртом воздух, судорожно сжатыми пальцами сминая плед на кровати. А он, Сема, бестолково мечется по девчачьей спальне, хотя мать сто раз говорила, где лежит Сарино лекарство. Потом, сунув сеestre спрей, дрожащими руками набирает «ноль три». И ждет «Скорую», поминутно подсакивая к окну.

Семка обожал Сару и боялся. И все делал не так. И вилка из левой руки сама выскакивала, а за ней

и нож из правой — на скатерть! А то и в соусник! Сроду эта плошка перед ним стоит, словно другого места ей на столе нет! Пробовал отодвинуть, пока еще за стол никто не сел, не выходит. Кружочек, что ли, под ней Сара нарисовала? Прямо под доньшком! И кричит он всегда громко. Как назло, все вдруг замолчат, а он в этот момент — вопит. «Учись сдерживать свои эмоции, Семен!» — проговорит Сара вроде бы спокойно и ласково, но у него вдруг от ее жалостливого тона ком в горле. Даже «извини» не всегда выдать удастся. Наверное, Сару и другие боятся, но им что — все взрослые, а он — поскребыш! Так его называет отец. Последний он в семье, со старшей, Катей, разница аж в двадцать лет!

Ее, Катерину, не взяли на фестиваль в Краков потому, что ей уже живот на нос лезет! «То есть, она в интересном положении», — промелькнуло в голове выражение Сары. Ну очень интересное положение! Тошнит все время, толстая стала, в отцовском кресле не уместается и все время плачет. Кино про любовь смотрит или про войну, без разницы — сразу в слезы. Ей, значит, эмоции показывать можно!..

— Ой! — довольно громко вскрикнул Семка и испуганно посмотрел на обернувшегося к нему полицейского. — Это не Катя! Она не может, потому что...

— Сема, что случилось? Что с Сарой? — Элина кинулась к нему, едва переступив порог участка.

— У Сары приступ! Ее увезли в больницу на машине с красным крестом! А я думал, там, на дороге, Катя, а сейчас понял — не Катя! Кукла, что ли, с нее слеплена? С Катиными глазами? Ее зачем-то

бросили под желтую машину! Элина, ты понимаешь, что Катя не может быть там, на дороге? Понимаешь?

— Сема, успокойся. Я сейчас поговорю с паном полицейским, и все прояснится. Ты посиди пока тут, — Элина погладила его по голове и отошла к поджидавшему ее офицеру.

Семка смотрел на нее и пытался понять, о чем она так долго тому рассказывает. Полицейский показывал ей какие-то бумаги, Элина кивала, говорила что-то по-польски, и Семка несколько раз услышал имя Катя. Наконец он не выдержал и подбежал к Элине.

— Это не Катя! Кукла с ее лицом! — невежливо перебил ее он, сердито зыркнув на полицейского. — Как Суок в «Трех толстяках»!

— Сема, успокойся! — Элина достала из сумки телефон.

Семка почти что повис на руке Элины — та показывала на экране мобильного фотографию Кати. Снимок был сделан в прошлом году во время концерта в Москве, куда Элина прилетела специально, чтобы встретиться с ними. Полицейский кивал согласно и печально и что-то отвечал ей.

— Элина, что ты ему говоришь? Что это Катя там, да? Ну, Элина!

— Да, Сема. Успокойся. Она, видимо, прилетела сегодня, хотела сделать сюрприз. Я понимаю, тебе страшно, и ты...

— Да не страшно мне! Это не Катя! — упрямо перебил Семка, отчаиваясь оттого, что так и не мог ничего объяснить. Какая-то деталь ускользала от внимания, он пытался сконцентрироваться, снова повторяя и повторяя про Суок. В конце концов Элина, бросив обеспокоенный взгляд на полицейского, ре-

шительно взяла его за руку и подвела обратно к стулу, на котором он недавно сидел.

— Сема, послушай! Пан полицейский все понял, он больше ничего у тебя спрашивать не будет. Это не Катя, ты прав, — проговорила она слишком быстро, и Семка догадался, что она ему по-прежнему не верит.

— Элина, нам завтра уезжать...

— Да, я помню. Поедем в гостиницу, мы здесь больше не нужны.

— А как же полицейский? — зачем-то спросил он. — Ведь он же не так думает, как нужно! Это не Катя!

— Ну почему ты так настаиваешь?! Хватит уже! — в сердцах прикрикнула на него Элина.

— Я знаю почему! Катя беременна! А эта — нет! — громко и четко выговорил он, словив-таки ускользавшую от него все это время мысль.

Элина удивленно посмотрела на него. И тут же перевела взгляд на появившегося в дверях кабинета полицейского.

Она что-то сказала ему по-польски, уверенно кивая. Тот нахмурился.

— Посиди здесь, Сема. Мне нужно еще раз увидеть... То есть я схожу с паном офицером, ты только никуда без меня не уходи.

Он и не собирался. В гостинице все равно никого из своих не было — уехали на экскурсию по Кракову и вернутся только к вечеру. Без Элины ему даже не дадут ключ от номера.

Сема сидел на стуле и болтал ногами. Он успокоился. Ему поверили, и это было на данный момент самым главным. Катя дома, в Самаре. Наверное, в кла-

довке уже не осталось ни одной банки солений. А ему не жалко, хотя он и сам любит хрустящие огурчики и красненькие помидорки с лопающейся от надкуса шкуркой. Через два месяца, в августе, как ему сказала Сара, он станет дядей. И перестанет быть самым младшим в их большой семье.

Глава 2

Михаэль прождал ее в кафе полтора часа. Конечно, Анка никогда не отличалась обязательностью, но это было уж слишком. В конце концов, он решает ее проблемы. Она создает, а он всегда отвечает за ее проступки. С детства.

На этот раз Михаэль не сразу понял, о чем ему рассказывает сестра. Так давно они не виделись, что он уже и забыть успел, какие непредсказуемые последствия обычно наступают после ее авантюрных задумок.

...Они выросли без матери. Фотографии и написанный маслом портрет находились в ее бывшей спальне. Дети заходили туда редко, особенно Анка, которая с раннего детства боялась этой, как она называла, «мертвой» комнаты. Однажды она призналась брату, что чувствует там запах горящих свечей и даже «слышит» потрескивание пламени. Михаэль тогда только пожал плечами — ни одного подсвечника в комнате не было, только старинная масляная лампа на каминной полке, поставленная скорее для интерьера, чем для полезного применения в случае необходимости. Единственное, что вызывало его интерес, — запертый ящик старинного бюро.

Но и он не любил эту комнату. Тоски по матери Михаэль не испытывал, Анка, как чувствовал, тоже, но отец приводил их, маленьких, туда за руки, усаживал на высокую кровать и рассказывал о ней. Повзрослев, они поняли, что делал он это лишь для того, чтобы они не забывали о женщине, которая дала им жизнь. Но как можно помнить о том, кого не видел ни разу в жизни?

С годами Анка стала все больше походить на отца: тонкий нос, четко очерченные губы и глаза цвета болотной зелени делали ее очень привлекательной. Ему ж достались высокий лоб и небольшие, глубоко посаженные глаза матери. Но, как любил пошутить отец, они оба «не из родни, а в родню». Михаэлю эта фраза казалась странной, какой-то чужой, не из их мира...

Он уже в который раз набрал номер мобильного сестры. «Ну ладно, опаздывает! На звонки могла бы ответить!» — мысленно попенял ей, но беспокойство нарастало.

Ждать дольше не имело смысла. Он почти точно знал, что с Анкой случилась беда. Михаэль подождал официанта.

— У меня к вам просьба. Если вдруг вот эта девушка появится здесь, попросите ее срочно перезвонить брату, — он показал парню на экране телефона фотографию Анки и, оставив щедрые чаевые, вышел на улицу.

Краков он знал как свои пять пальцев, изучив все закоулки еще во время учебы в Ягеллонском университете. Ближайший полицейский участок находился в паре кварталов от кафе, в котором он только что ждал Анку, и Михаэль решил оставить машину